

КОММЕМОРАЦИЯ И КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В ЦИВИЛИЗАЦИЯХ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

Л. В. Ландина,

*доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры
историко-культурного наследия учреждения образования
«Белорусский государственный университет
культуры и искусств»*

Аннотация. Коммеморация, или памятование, визуализация коллективной памяти, носит всеобщий характер и существовала уже в древнейших цивилизациях. Выполняя универсальные для любого общества функции, коммеморация в странах Древнего Востока имела свою специфику. Чем это было продиктовано и каким образом проявлялось? Указанная проблематика и ответы на поставленные вопросы являются предметом рассмотрения в предлагаемой статье.

Ключевые слова: коммеморация, коммеморативные практики, Древний Восток, культурная память, культ предков, глорификация, обрядность, культуры древности.

COMMEMORATIONS AND COMMEMORATIVE PRACTICES IN THE CIVILIZATIONS OF THE ANCIENT EAST

L. Landina,

*Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor
of the Department of Historical and Cultural Heritage
of the Educational Institution «Belarusian State University
of Culture and Arts»*

Abstract. Commemoration, or remembrance, the visualization of collective memory, is universal in nature and already existed in the most ancient civilizations. While performing functions that are universal for any society, commemoration, nevertheless, had its own specifics in the countries of the Ancient East. How was this dictated and manifested?

These issues and answers to the questions posed are the subject of consideration in the proposed article.

Keywords: commemoration, commemorative practices, Ancient East, cultural memory, cult of ancestors, glorification, rituals, ancient cultures.

*Невозможно помыслить вообще
никакого социального объединения,
в котором не просматривалось бы –
пусть в сколь угодно ослабленном виде –
формы помнящей культуры.*

Ян Ассман,

«Культурная память:

Письмо, память о прошлом и
политическая идентичность
в высоких культурах древности»

К приведенному выше утверждению Яна Ассмана о «помнящей культуре» можно добавить также «выполняющей универсальные функции, сознательно конструируемой и социокультурно обусловленной» [1]. Под универсальными функциями социальной (культурной памяти) следует понимать идентификацию, интеграцию и передачу опыта. Применительно к обществам, осознающим свое существование во времени, Я. Ассман различает коммуникативную и культурную память. Первая из них принадлежит воспоминаниям, которые человек разделяет со своими современниками. Они приобретаются исторически, естественным путем и живут до тех пор, пока живы их носители. Со смертью последних коммуникативная память переходит в разряд культурной. «Прошрое скорее сворачивается здесь в символические фигуры, к которым прикрепляется воспоминание», – отмечает Я. Ассман [Там же, с. 54]. Вопрос «Чего нам нельзя забыть?» характеризует любую устойчивую группу, и коммеморация, т. е. памятование, намеренная визуализация «того, что нельзя забыть», является мощным средством создания и поддержания нарративов коммуникативной и культурной памяти [Там же, с. 30].

Каким образом происходит эта визуализация и что специфического привносят в этот процесс социокультурные реалии Древнего Востока? Первая специфическая черта – это целостность и императивность религиозного восприятия мира. И. М. Дьяконов, один из крупнейших востоковедов, отмечает,

что у шумеров не было понимания религии как чего-то, альтернативного другим системам понимания мира. Вера не только освящала существующий порядок, но и была его частью. Человек обладал определенными представлениями о реальности и о системе обращенных к богам действий (обрядов), при помощи которых мог просить высшие силы о покровительстве и содействии. Несоответствие опыта вере свидетельствовало только об ошибочности опыта, а «отказаться от совершения тех или иных действий, предписываемых культом, показалось бы столь же нелепым, как отказаться от того, чтобы есть, пить, рожать детей и возделывать землю» [3, с. 146–147]. Таким образом, возможно, наиболее распространенной и древней коммеморативной практикой было выполнение обряда. Забыть предков и знаковые события прошлого невозможно, и получивший каноническую форму обряд это обеспечивал. В качестве примера уникальной «помнящей» культуры Ассман приводит еврейскую пасхальную обрядность, символизирующую и визуализирующую Исход евреев из Египта [1, с. 54]. Уже в конце III тыс. до н. э. в Шумере были сложены и записаны ритмизированные песни-легенды о давних исторических событиях – от Зиусудры – героя сказания о потопе, до Гильгамеша – военного вождя I династии г. Урука [3, с. 169–170].

Среди факторов становления коммеморации белорусским культурологом О. М. Соколовой указываются стремление к бессмертию, вера в загробную жизнь, создание культа предков и культа личности, сакрализация и глорификация [6, с. 40–41]. Применительно к цивилизациям Древнего Востока можно утверждать, что таковыми же, учитывая целостность религиозно-мифологического восприятия мира, были и цели коммеморации. Стоящим перед богом Солнца Шамашем изображен царь Хаммурапи на известной стеле с его законами [3, с. 371–374]. При этом цари могли не просто общаться с богами, но и обожествляться еще при жизни. Так, в Аккаде XXIII в. до н. э. царь Нарам-Суэн объявил себя богом. Как представлялось, обожествленный царь мог на равных с общинными богами защищать свою страну перед великими богами – правителями мира. Специальных храмов для царей не строили, их статуи устанавливали и приносили им жертвы в притворах больших храмов при исполнении специальных гимнов [Там же, с. 281–282]. Были случаи почитания фараонов в качестве местных божеств. Например, фараон IV династии

Снофру (XXVIII в. до н. э.) прославился так, что на Синайском полуострове считался местным богом [4, с. 367].

Идея бессмертия воспринималась в Древнем Египте как действительно реализуемая. Пребывание умершего фараона в пирамиде представлялось в виде череды его пробуждений к жизни и уходов к Солнцу, Луне, звездам, причем сам он становился немеркнувшей звездой. Фараон мог оказаться в вольготных «полях тростника» или «полях жертв», где можно было пахать и жать. Таким образом, он не умирал. Но если не должен был погибнуть дом царя на небе, то оставался вечным и его престол на земле. Умерший фараон и после смерти утверждал на престоле свою династию и оберегал своих детей. Уходя и приходя вместе с Солнцем, он «навещал свои владения на земле, давал и отнимал достоинство, мог причинять и устранять вред» [Там же, с. 382].

В полном смысле слова «местом памяти» была пирамида, визуализирующая память и одновременно символизирующая самого фараона. Она сохраняла имя царя, тем самым гарантируя его вечную жизнь. В Древнем Египте то, что не имело имени, не считалось существующим. Более того, лишение имени приравнивалось к лишению жизни. Пирамида, сохранявшая и воплощавшая в веках имя царя, олицетворяла фараона. В пирамиде видели божественное существо и величали ее «госпожой» [Там же, с. 388].

Специфической чертой коммеморации в государствах Древнего Востока выступала ее не ретроспективная, а перспективная направленность. Увековечивание осуществлялось не на основе анализа прошлого, а исходя из потребности в глорификации настоящего. Хвалебные гимны, поэмы, надписи, статуи, барельефы и пирамиды создавались при жизни прославляемых царей для того, чтобы о них и их деяниях помнили потомки. Например, завоевание Вавилона царем Ассирии Тукульти-Нинуртой (XIII в. до н. э.) увековечено эпосом, сложенным придворными. В нем Тукульти-Нинурта титулуется так: «Царь сильный, царь Ассирии, царь Кар-дунияша, царь Шумера и Аккада, царь Сиппара и Вавилона, царь Тельмуна и Мелахи, царь Верхнего и Нижнего моря, царь гор и широких степей, царь шубарейцев, кутиев и всех стран Наири, царь, слушающий своих богов, принимающий тяжелую дань четырех сторон света в городе Ашшуре» [3, с. 103].

Битва лугалья (военного правителя) шумерского города-государства Лагаш Эанатума с жрецом и правителем г. Уммы Ушем увековечена на «Стеле коршунов», созданной в память этого события, произошедшего около 2400 г. до н. э.

Один из преемников Эанатума – Энтемена оставил надпись на глиняном конусе («конусе Энтемень») об избрании его «рукой бога» Энлиля из 3600 мужей [3, с. 198]. «Стела Нарам-Суэна» (XXIII в. до н. э.) посвящена походу этого аккадского царя на луллубеев (племен горцев Загроса на северо-восток от Месопотамии) [Там же, с. 249]. Победная плита фараона Хора Сомы (известная также как палетка Нармера) изображает фараона Верхнего Египта, поражающего и повергающего Нижний Египет [4, с. 304], и т. д.

Особого внимания заслуживает монументальная пропаганда и одновременно коммеморация в Древней Ассирии. Статуи и барельефы, изображающие царей во время битв, охоты на львов, сцены сражений, осад, увода и казней пленных – все это служило прославлению ассирийских властителей и устрашению возможных врагов и недовольных [5].

Одним из наиболее грандиозных «мест памяти» является Бехистунская надпись персидского царя Дария I (VI–V вв. до н. э.). Для прославления своих побед и прихода к власти Дарий приказал высечь на Бехистунской скале гигантское барельефное изображение с надписями на трех языках (древнеперсидском, аккадском и эламском), обращенных к грядущим поколениям. В пропагандистских целях текст был переведен на другие языки, в том числе на арамейский и греческий, и разослан во все области государства Ахеменидов. Над текстом размещено изображение бога света и создателя всего сущего Ахурамазды, благословляющего Дария. Дарий, представленный в натуральную величину, попирает ногой побежденного заговорщика Гаумату, за которым стоят скованные одной цепью девять мятежников [2, с. 98–100].

Таким образом, коммеморация в обществах Древнего Востока представляла собой конструируемый верховной властью процесс. С одной стороны, она, безусловно, сохраняла традицию и на нее опиралась, выполняя интегрирующую, транслирующую и идентифицирующую функции. Вместе с тем уместен вопрос, насколько народы покоренных земель идентифицировали себя с теми, кто их завоевал, будучи в составе огромных империй. Сохраняя память о славных предках и богах, зачастую их отождествляя, коммеморация в решении актуальных задач была направлена на прославление действующих правителей и существующих устоев.

1. *Ассман, Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Ян Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. – М. : Яз. славян. культуры, 2004. – 368 с.

2. *Дандамаев, М. А.* Политическая история Ахеменидской державы / М. А. Дандамаев. – М. : Наука, 1985. – 321 с.

3. История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации / под ред. И. М. Дьяконова. – М. : Наука, 1983. – Ч. 1 : Месопотамия. – 534 с.

4. История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации / под ред. чл.-корр. АН СССР Г. М. Бонгард-Левина. – М. : Наука, 1988. – Ч. 2 : Передняя Азия. Египет. – 623 с.

5. *Садаев, Д. Ч.* История Древней Ассирии / Д. Ч. Садаев. – М. : Наука, 1979. – 247 с.

6. *Соколова, О. М.* Коммеморация в городском пространстве: город как место культурно-исторической памяти / О. М. Соколова ; М-во культуры Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т культуры и искусств. – Минск : БГУКИ, 2022. – 490 с.